

Воскресенье 14-го
Понедѣльникъ 15-го

Апрѣля 1913 г.

Обозрѣніе ТЕАТРОВЪ

Ежедневная газета съ программами
и либретто с-петербургскихъ театровъ

Театральная весна.

— Цвѣты повторяются каждую весну, а радости нѣтъ,—радуется Сара въ чеховскомъ «Ивановѣ».

Мы счастливы Сары: для насъ и цвѣты и радости повторяются каждую весну,—ихъ привозитъ намъ московскій Художественный театръ.

Крѣпкими корнями вросъ Художественный театръ въ исторію русской драмы, русскаго искусства, русской души. Не какъ надменный побѣдитель, а какъ вѣчно ищущій, всегда пылливый, неустанно пробующій ученикъ давно вступилъ онъ въ храмъ шумной славы и тихой, стыдливой любви.

Любовь—вотъ то завѣтное и основное, что проникаетъ художественную работу этого театра и дѣлаетъ его такимъ нужнымъ и дорогимъ намъ.

Любовь къ искусству—и любовь къ человѣку, очеловѣченіе божественнаго и просвѣтленный взглядъ на земное, нѣжная близость къ вершинамъ бытія и нѣжная привязанность къ «барону» у Горькаго или Гаевскому въ «Вишневомъ садѣ»—слились полнозвучнымъ аккордомъ въ этомъ кипящемъ, мигающемъ организмѣ, въ этой безсонной лабораторіи театра, горящей свѣтлымъ вдохновениемъ и радостнымъ трудомъ.

Каячащаяся экзентизмъ этого театра исканій въ истинномъ смыслѣ этого слова — чередованіе

Грибѣдова и Метерлинка, Мольера и Андреева, Тургенева и Гамсуна, Гаунтмана и Достоевскаго — покрывается однимъ свѣтлымъ именемъ, всѣхъ ихъ сливающимъ и примиряющимъ. Чеховъ прошелъ сквозь Художественный театръ и этотъ послѣдній прошелъ сквозь него.

Театръ шиталъ въ себя всю великую любовь, всю стыдливую нѣжность поэта... Гдѣ-то далеко затерянная на плоской равнинѣ обыденщины, оторванная отъ истинныхъ источниковъ строительства жизни, тоскуетъ бѣдная, простенькая, маленькая Соня.

Стучать костяшки счетовъ, точно безстрастно отбивая минуты. Сгорбленный, до времени состарившійся, милый дядя Ваня старается обмануть себя убавкивающей лаской Сони.

А надъ ними обоими, вопреки всему—вопреки счетамъ и глупой картѣ Африки на стѣнѣ, вопреки безнадежности и одиночеству—вѣютъ радостныя крылья иной жизни, манящей далами, богатой красками и намеками.

Заглушенной музыкой вѣетъ надъ ними далекій праздникъ жизни, сверкающій творчествомъ, вдохновленіемъ, вольнымъ трудомъ.

И если то безсильное и хилое, что есть въ насъ отъ Сони и дяди Вани, можетъ жить не задыхаясь, если вѣра въ «изящную»—по чеховскому слову—жизнь впереди хотя бы черезъ 200 лѣтъ, не самообольщеніе и не фикція, если перспективы, въ которыхъ намъ открывается искусство, ослѣпительны и безграничны, то въ большой мѣрѣ мы обязаны этимъ московскому Художественному театру.

Да будетъ же ему шумная слава и молчаливая привязанность дяди Вани, побѣдный лавръ,—и собранный Соней скромный букетъ полевыхъ цвѣтовъ.

Ибо даже для насъ хмурыхъ петербуржцевъ, благодаря спектаклямъ «станиславцевъ», цвѣты и радости повторяются каждую весну...

Л. Вас—ій.